

АЛЕКСЕЙ ДОЛЖЕНКО

ХРОНИКИ
ТЕЙНА:

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

Алексей Долженко

**Хроники Тейна:
Осколки прошлого**

«Автор»

2026

Долженко А.

Хроники Тейна: Осколки прошлого / А. Долженко — «Автор»,
2026

Когда безымянный темный эльф очнулся под мостом полумертвый, он не знал, кто он. Не знал, почему жив. Кто желал его смерти. Но его тело помнило, что значит сражаться. Что значит выживать. Присоединившись к отряду наёмников, он надеялся найти ответы. Но вместо этого оказался втянут в заговор, способный развязать войну между Империей и Вольными Баронствами. Погибшие друзья, предательство, чужие приказы — всё это лишь верхушка айсберга. За ними стоят высокие титулы, герцоги и короли. И кто-то, кто знает его настоящее имя. "Хроники Тейна" — это история мести и поиска себя. История наёмников, которые стали больше, чем просто оружием в чужих руках. Это мрачное фэнтези о войне, магии, преданности и цене, которую приходится платить, чтобы узнать правду.

© Долженко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ. Падение	6
Глава 1. Вода, грязь и боль	8
Глава 2: Жар и слабость	10
Глава 3. Врата Фельдмара	12
Глава 4. Первая охота.	17
Глава 5. Первая охота. Часть 2.	22
Интерлюдия I	29
Глава 6. Полдень и смерть	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Долженко

Хроники Тейна: Осколки прошлого

Глава

ПРОЛОГ. Падение

Тьма. Тьма здесь застилала взор надежнее, чем плотная ткань любой повязки, нарушаемая лишь редкими всполохами призрачных вспышек, что выхватывали будто мозаикой общую картину – высокую фигуру в черном одеянии, задумчиво перебирающую кристаллы памяти, рассыпанные по поверхности мрачной гранитной столешницы.

Мужчина был стар. Седые волосы собраны в кольцо обручем с фиолетовым камнем. Узловатые пальцы, с кожей как старая бумага, поочередно касались кристаллов. Именно эти прикосновения и вызывали бледные всплохи, что лишь на мгновение рассекающие окружающую тьму. Каждый всплох был кратким, но уникальным – некоторые вспыхивали ярко, но быстро гасли, другие светили спокойнее, но дольше и словно порождая другие отсветы вокруг себя.

Хозяин этих чертог не нуждался в освещении, а гости... что ж, они были слишком редки, чтобы заботиться о такой мелочи, как их комфорт.

Хотя сегодня гость все же был. Высокий, статный юноша с чуть золотистым отсветом карих глаз, которые явно светились в этой непроглядной тьме. Видимо, для него она тоже не являлась проблемой. Его тихие, практически кошачьи шаги, остановились в пяти шагах от фигуры у стола.

- Итак, ты здесь. – глухо прозвучал голос хозяина чертог. Голос, странным образом одновременно глубокий и шелестяще высокий. И словно бы впивающийся в сознание любого живущего, кто мог бы его услышать.

- Да... все кончено. Он мертв.

- Значит, они все же решились... - задумчиво протянула фигура в черном. – А ведь это значит, что ты предал его.

- Я не...

- Молчи. Он доверял тебе. Чуть ли не единственному из всей вашей братии. – Фигура обернулась, взглянув на юношу глубокими глазами цвета закатного айсберга. – И без тебя они никогда бы не застали его врасплох.

- Я был вынужден! Ты же знаешь, дядя, он ведь был опасен! Для всех! Стоило ему взбунтоваться...

- Разумеется, он был опасен. – холодно перебил юношу хозяин чертог. – Как и я. Как и ты. Как и все мы. Вот только, в отличие от вас, алчных до власти крыс, сам он её всегда избегал.

Старик горько усмехнулся:

- Власть его не прельщала. Что делало его опасным для тех, кто к ней рвался. Но нет, брату было слишком некомфортно, что кто-то обладал большей силой, чем он. Слишком он труслив, слишком боится даже призрачных угроз потерять свою власть...

- Прекрати, дядя, он все же наш правитель! Если кто услышит...

- А кто услышит, мой дорогой племянничек? – на этот раз уже откровенно ядовито ответил старик. – Помимо нас с тобой здесь только они, - махнул он рукой на кристаллы, - но они-то точно никому ничего не расскажут. Или ты решил предать и меня?

- Я... нет, я... Я никогда...

- Да-да, ты нет, ты никогда... - Перебил юношу дядя, нетерпеливо махнув рукой. - Вот только я одного не понимаю. Ты же знаешь ЕГО, знаешь его силы. Скажи мне, неужели ты правда веришь, что это конец?

- Что... что ты имеешь ввиду? – стремительно начал бледнеть юноша. Воздух вокруг дрогнул, будто само пространство завибрировало.

- Ты ведь помнишь, кто он, и как его звали. - медленно, проникновенно спросил старик. – Так скажи мне, племянничек...если вы убили его, то... кто придет за ним?

- Не мели чушь, дядя! – разозлено воскликнул юноша. – Это лишь имя! Ты сам прекрасно знаешь, что это лишь то, чем *они* считают нас, а не кто мы есть! И если кто-то из нас умирает – это навсегда! ОН мертв и не вернется. Даже ОН не способен на такое!

Юноша сердито развернулся, сделал два шага и, резким движением сорвав с пояса жезл, махнул перед собой. Пространство послушно развернулось перед ним порталом, куда тот тут же и запрыгнул.

Старик постоял несколько секунд, глядя на затухающий портал. Затем задумчиво развернулся к столу и продолжил неспеша изучать кристаллы.

- Да, конечно... все мы на самом деле смертны. – задумчиво бормотал хозяин чертогов.
- И для каждого из нас смерть – это конец, никто не возвращался после этого порога.

Стремительно развернувшись, старик в два шага подошел к шкафу и распахнул его. Внутри на полке стоял в специальной золотой подставке огромный иссиня-черный кристалл. За кристаллом стояла статуэтка ворона, чьи крылья словно бы стремились обнять кристалл.

- Смерть – это всегда конец... но, кажется, даже из этого правила бывают исключения... - задумчиво пробормотал старик, а уголки его губ чуть подрагивали, скрывая довольную ухмылку.

Глава 1. Вода, грязь и боль

Сознание вернулось не сразу. Сначала — тишина. Потом — гул. Гул в черепе, в груди, где-то внизу живота. А потом — боль. Боль и холод. Они не рвали, не резали — давили. Цепко, вязко, липко. Мысли путались, рвались, все никак не выстраиваясь в единый ряд.

Я не понимал, где я. Лишь когда холод уже начал вгрызаться в кости, а легкие начало обжигать болью, я понял — я под водой. А боль, что пульсировала в черепе, даже не позволяло вспомнить, что нужно с этим делать.

Но тело — помнило.

Я зашевелился. Сперва пальцы. Затем — попытка поднять голову. Шея не слушалась. Всё внутри протестовало. Вдох — и в лёгкие хлынула холодная жижа. Я выскочил из воды, как из ловушки — с хрипом, с болью, с единственным желанием — дышать.

Сел. Согнулся. Вдох. Ещё один. Мир расплылся — мрак, камни, скользкая трава, серое небо. Всё будто размыто, как будто я смотрю сквозь треснувшее стекло. Судорожный кашель — и ребра разрывает болью. Столь сильной, что чуть не тянет меня снова под воду.

Писк. Опасность. Взгляд сфокусировался на участке берега рядом. Красные маленькие глаза.

Крыса сидела буквально на расстоянии вытянутой руки. Сидела спокойно, заинтересованно и будто разочарованно глядя на меня. В темноте за ней копошилось еще несколько.

Они ждали сегодня ужин. И они знали — я все еще могу стать им.

Судорожно вдыхая воздух, я начал осматривать себя.

Руки... они были бледно-синие, чуть дрожащие. Длинные пальцы. Грязь под длинными, чуть загнутыми, почти звериными ногтями. Шрамы на костяшках.

Тело худое, жилистое. Мокрое. Рубаха прилипла к груди. И — рана. Длинная, от левого плеча к ребрам. Я коснулся ее. Свежая.

Я не помнил ее. Не помнил себя. Но каждый мускул знал, что нужно делать.

Выжить.

Я медленно огляделся. Мелкий ручей, мост через него и я — под ним, в воде. В нос ударили запахи. Нечистоты, отравы. Пахла вода. Сливала канализацию?

Дыхание хриплое, сухое. Потеря крови — нужна вода. Нельзя пить тут — это смерть. Нужно идти.

Я встал. Колени подогнулись. Поднялся снова. Захромал. Берег ручья оказался глинистым, скользким. Я соскользнул, но удержался. Дальше — камни. Холодный ветер. Где-то вдалеке — вороны. Они каркали жадно, будто знали, что я должен быть мёртв.

Я огляделся. Ни души. Ни дороги. Ни огня. Только лес. Тусклый, мрачный, неприветливый.

Сзади ручей и мост. Вдали — огни. Город, деревня? Неважно. Остаться тут — смерть. Нужна помощь.

Каждый шаг — боль. Тело предательски тянуло меня вниз. Упасть. Забыться. Уснуть...

Боль жгла, дыхание сбивалось, но я шел. Рана на груди нестерпимо жгла. Хорошо, значит не отключусь. Надо дойти, надо просто дойти...

Спустя час я доковылял до крайних домов. За это время постоянная боль все же прочистила мне мозги, и я смог мыслить более внятно.

Аккуратно перебравшись через невысокий забор, я нашел бочку с дождевой водой. Буквально рухнув в нее, я начал жадно пить. Самое сложное было — удержаться за края, чтобы буквально не нырнуть в нее — это была бы весьма глупая смерть.

Через какое-то время (минуту, день, вечность?) я наконец смог оторваться от воды. Стало чуть легче. Но пока пил, я оперся шрамом на груди о край и теперь расплачивался резкой болью.

Я сполз по стенке бочки, сел и начал медленно ощупывать грудь. Рана длинная, от ключицы левого плеча до нижних ребер правой стороны. Ровные края, глубина пореза примерно одинакова на всей длине. Не меч - что-то с изогнутым клинком. Скимитар или сабля? Весьма похоже. Так, а откуда я это знаю?

Я взглянул ещё раз на свои руки. Узкие ладони, длинные пальцы с чуть изогнутыми ногтями — почти когти, если смотреть по форме. Моя кожа имела явный синий оттенок, хотя при слабом свете четверти луны это могло и казаться.

Ребра саднило. Справа точно пару трещин есть, это еще по пути стало понятно при дыхании. Но не критично. А вот сама открытая рана вызывала беспокойство – так можно что-то и подхватить.

«Если уже не подхватил», - подумал я, вспомнив, в какой воде очнулся.

Осмотревшись, я увидел белье, сушащиеся на рассветном солнце.

Доковыляв, я схватил рубашку и, кажется, скатерть. Рубашку порвал на лоскуты, и смочив их водой, постарался хоть немного промыть рану. А скатерть порвал на длинные полосы и соорудил давящую повязку. Пару раз чуть не отключился от боли в процессе перевязки себя. Но в итоге удалось. Теперь надо понять, кто я.

Стиснув зубы, я поднялся и усталился в бочку. Освещение луны было скудным, но все же удалось немного разглядеть свое отражение. Молодое лицо, заостренные уши, кожа непонятного синего оттенка. Ни бороды, ни усов, ни даже намек, что они когда-либо бывали. Глаза глубоко посажены, брови нависающие. Темные, длинные волосы ниже плеч сейчас грязными лохмотьями хаотично свисали во все стороны. И что-то... да, не показалось, у меня вертикальные зрачки. Видимо, поэтому я все же различаю достаточно много деталей, несмотря на скудность лунного света.

Так, кажется я... эльф? Да, темный эльф.

В голове тут же взорвался ком боли, от которого я со стоном повалился на землю. Кажется, пока лучше особо не напрягать память, даже в таких мелочах. Лучше отдамся инстинктам. Вообще, тело явно лучше разума сейчас знало, как выжить, поэтому лучше довериться ему.

Где-то на краю сознания крутилась целая стая вопросов, но ни одного ответа не было – и, кажется, их поиск мог прикончить меня прямо здесь.

Я огляделся. Вокруг было несколько домов, да в стороне – огромный амбар. Я подхватил остатки тряпок и поковылял в его сторону – не стоило оставлять улики, которые каждому скажут, что здесь был кто-то раненый. Пусть лучше думают, что вещи унесло ветром или кто-то унес. Неизвестно, ищут ли меня, и если да – то с какой целью – помочь или добить?

Амбар оказался огромным и высоким, фактически двухэтажным. На первом этаже хранили инвентарь – плуг, косы и прочее. На втором этаже хранили сено для скота и какие-то мешки – видимо, с зерном. Плотные спрессованные тюки занимали почти половину пространства, деля его с какими-то мешками. Видимо – с зерном.

Тем временем меня начало знобить. Кажется, я все же что-то подхватил. Забравшись в самый дальний угол, я из последних сил сдвинул несколько тюков и, тем самым организовав себе непросматриваемое убежище, впал в беспамятство.

Глава 2: Жар и слабость

Я проснулся от боли. Не резкой, не внезапной — медленной, пульсирующей, будто кто-то изнутри раз за разом сжимал мою плоть, проверяя, насколько она ещё держится на костях. Голова раскалывалась, язык прилип к нёбу, во рту стоял привкус чего-то горького, возможно — крови или желчи. Время было потеряно. Ночь? День? Сколько прошло с того момента, как я упал в беспамятство?

Тело не хотело двигаться. Каждая мышца судорожно сопротивлялась даже намёку на движение. Но я знал — нельзя лежать. Я чувствовал, как рана под повязкой начинала гнить. Запах был едва уловимым, но он уже пробирался сквозь боль. Грязь, смешанная с потом, кожей и чем-то еще — чем-то опасным. Если не обработать её, то следующее пробуждение может стать последним.

Я с трудом перевернулся на бок, выбрался из тюков, оперся рукой о стену, чтобы подняться. Пальцы соскользнули. Сил почти не осталось. Мышцы тряслись, колени не выдерживали веса. Я упал, ударился плечом, но даже не вскрикнул — просто закрыл глаза и ждал, пока голова перестанет кружиться. Лихорадка усилилась.

«Проклятье, это не может закончиться так!» - подумал я. Нужно напиться воды, иначе тело не выдержит. Нужно промыть рану, иначе тело будет жалеть, что выдержало. Если я не могу идти – придется ползти.

Получилось почти сразу. Руки цеплялись за доски, ноги еле тащились, но я двигался. Каждый метр давался как шаг через огонь. Всё тело казалось чужим, будто его не было моим, будто кто-то другой дергал его за невидимые нити. В голове мелькало что-то темное, обрывки воспоминаний, которых я не понимал. Я помнил, как делал перевязку. Помнил холод воды. Но не помнил своего лица.

Спустя некоторое время (Минут? Часов? Лет?) я выбрался из ангара. На дворе снова стояла ночь. Вокруг не было ни души. Вдали виднелся знакомый двор. Разум предательски дрогнул, слишком большим казалось расстояние, я явно не смог бы его пересечь. Но телу было плевать, тело хотело жить. Тело ползло.

Когда до бочки оставалось совсем чуть-чуть, лихорадка усилилась. Озноб шёл волнами, подтачивая последние силы. Я ухватился за край бочки, попытался вдохнуть глубже, но воздух стал плотнее, будто сам не хотел входить в легкие. Судорожный вздох, хрип, и снова — попытка встать. Получилось только на четвереньках. Я прижался лицом к деревянному краю, втянул запах воды. Пахло затхлостью и немного тиной. Но выбора у меня все равно не было.

Руки не слушались, но я всё же сумел наклониться и начать пить. Медленно, осторожно, стараясь не задохнуться. Вода текла по горлу, и на мгновение мне показалось, что стало легче. Только на мгновение.

Оторвавшись, я судорожным движением сорвал повязку. Рану обожгло огнем, вместе с тканью оторвалась часть прилипшей кожи. Я смочил остатки повязки водой и стал, как получалось, стиснув зубы, промывать рану. Едкая боль одновременно разъедала сознание и не давала окончательно впасть в беспамятство.

Закончив, я снова попытался встать, опираясь за бочку. Мне почти удалось, но в конце меня резко повело – и я завалился на спину. Жар лихорадки яростно накинулся на сознание, в голове шумело, я перестал видеть и слышать. Тело, кажется, еще что-то делало, еще пыталось двигаться, но мой разум... он уплывал.

Пришли видения. Я не понимал их, большую часть времени я даже не осознавал, что именно видел.

...Я стою над телом мужчины, кровь медленно покидает его тело. Один из братьев шепчет: «Пора уходить». Я отдаю ему сумку с документами, но взгляд цепляется за лежащий свиток со странными символами. Любопытно...

...Какой-то мужчина в странной одежде, что грозно вопрошал: «...смеешь ты ставить мое слово под...». Его бородатое лицо, увенчанное лавровым венком, искажено от ярости, глаза буквально пылают огромной силой – но мне почему-то совершенно не страшно...

...Темный эльф с мрачным, испещренное морщинами лицом, который склонялся надо мной: «Боль – это хорошо. Если больно – значит, ты еще жив» ...

... Высокая бледная женщина нежно проводит мне по щеке прохладной рукой: «Ты становишься могущественным... возможно даже могущественнее своего отца» ...

.. Мне не хватает воздуха, сердце, кажется, сейчас выскочит из груди. Меч в руке дрожит. Хватка ослабевает, и меч, увлекаемый весом тела, вырывается из рук. Лунный жрец падает на колени, затем заваливается на бок. В его стекленеющих глазах обида и непонимание, как будто он не ожидал, что за ним придут Тени...

... Странный юноша с огромными ушами, бежавший впереди по склону горы, кричал: «Брат, их затягивает в хроноаномалию! Только ты можешь помочь!» ...

... Я бегу сквозь лес. Чистый инстинкт кидает мое тело вправо – и мимо плеча пролетает метательный нож, втыкаясь в ствол дерева впереди...

...Лязг клинка, я потерял равновесие, отблеск луны на изогнутом лезвии, что ринулось вниз, и... тьма....

Тьма.

Очнулся я опять в сене. Кажется, несмотря ни на что, я каким-то образом все же добрался обратно.

Мысленно я начал проверять свое состояние. Голова гудела, дико хотелось пить, слабость в теле была такая, что даже просто дышать было тяжело. И голод. Дикий, сжигающий внутренности голод.

Я прикоснулся ко лбу. Кажется, жар сошел. С трудом приподнявшись, я осмотрел себя.

Похоже я потерял несколько килограмм за то время, пока был в беспамятстве. Не знаю, сколько времени прошло, но тело умудрилось пройти кризисную стадию болезни, потратив на это добрую половину ресурсов. Иными словами, практически осушив тело. Но по крайней мере теперь я мог соображать ясно.

Собравшись с силами, я выбрался из тюков. Как и ожидал, на улице снова была ночь. Пошатываясь и едва не падая от слабости, я спустился вниз и совершил уже привычный путь до бочки. Вдоволь напившись, я снова присел и начал думать.

Нужна еда. На одной воде я долго не протяну, особенно после лихорадки. Но мое состояние не то, чтобы предполагало много вариантов ее добычи.

На самом деле у меня был только один вариант: попытаться раздобыть еду в домах рядом, по возможности тихо, не попадаясь никому на глаза – скорее всего меня сейчас любой деревенский увалень зашибет.

Что ж, время искать еду.

Глава 3. Врата Фельдмара

Прошло три дня.

Если верить движению теней и чередованию стонов скота по ночам и гомона днем — три. Всё это время я прятался в амбаре, как загнанный зверь. Он стал моим логовом — тесным, вонючим, но дающим укрытие от чужих глаз и резких звуков.

Я ел. Сначала — то, что находил рядом: объедки, брошенные кости, половина подгнившего яблока. Потом — перешёл к иному. Пойманная курица. Сырое мясо. Теплое, влажное, с металлическим привкусом и едва заметной горечью страха. Пахло дичью, но привычно.

Для кого-то — омерзение. Для меня — норма. Вкус сырого мяса воспринимался нормально и даже привычно. Не знаю, было ли это что-то в моем прошлом или в явном хищном происхождении моего вида.

С каждым укусом я чуть яснее осознавал, что всё ещё жив. С каждым глотком мутной воды из бочки — что этого недостаточно.

Я набрал немного сил. Пальцы больше не дрожали при попытке подняться, колени держали вес тела. Я мог ходить. Я мог думать.

С раной на груди тоже стало лучше. Постоянные промывания раны остановили гниение. Началось заживление. Медленно, но верно.

Но ответа так и не пришло. Ни снов, ни голосов, ни видений. Пустота в голове — такая же, как в животе на вторую ночь без еды. Ни имени, ни цели. Только тени, оставшиеся в костях, и обрывки фраз, не имеющих смысла.

Я знал одно — так дальше нельзя. Амбар — это гниющее убежище. Временное.

Мне нужны были деньги, одежда, и самое важное — оружие. Но главное — ответы. А искать их можно только в одном месте: там, где сходятся дороги, запахи и сплетни.

В городе.

Я взглянул в щель между досками. Ночь. Луна скрыта, но воздух дрожит от звуков. Где-то вдалеке залаяла собака. Самое время уходить.

Я выждал до глубокой ночи. Луна всё ещё скрывалась за облаками, но этого было даже лучше — меньше шансов быть замеченным. Сухари из найденных припасов закончились накануне, и тело начинало снова гудеть от голода. Запах сена уже не скрывал ни вонь гниющей соломы, ни собственного пота. Нужно было уходить.

Дорогу я знал. Не столько помнил, сколько чувствовал, как зверь, возвращающийся к месту, где ранен — не потому, что хочет, а потому, что других вариантов нет.

Ручей, что вытекал из-за стены, всё ещё журчал. Мелкий, мутный, с запахом тухлой тины и чего-то ещё — возможно, канализационного сброса. Я пошёл вдоль него, укрываясь в высокой траве и тенях. Через некоторое время показалась решётка. Ржавая, кривая, одна из прутьев выломана — явно давно. Достаточно, чтобы протиснуться, если не шуметь и не цепляться лишний раз одеждой.

Внутри было сыро. Узкий каменный тоннель, по дну которого текла мутная вода, не оставлял простора для манёвра. Стены покрыты слизью, потолок — низкий, приходилось идти полусогнувшись. Воздух тёк тяжелым запахом гнили и мочи.словно город не просто сбрасывал сюда грязь — он ей дышал.

Но вскоре тоннель вывел меня к старому сливу — круглому отверстию в каменной кладке. Выбравшись наружу, я огляделся. Позади — череда низких зданий, крыши которых почти сливались с тьмой. Над ними возвышалась стена — старая, неровная, но всё ещё крепкая. Впереди — такие же здания, но за ними был виден форт на холме — тяжелый, грузный, с невысокими башенками, на которых виднелись остовы требушетов.

Город встретил меня вонью.

Не ароматами лавок и выпечки, о которых поют в сказках, а густой, плотной смесью навоза, нечистот и затхлого пива. Воздух был тёплый и влажный, пропитанный человеческими отбросами. Я шел вдоль стены, стараясь не привлекать внимания, и впервые за всё это время почувствовал — я чужой.

Я задумчиво потер рукой подбородок, слегка царапнув случайно себя загнутым ногтем.

Улицы были узкими, мощёными кое-как, между домами струился запах тухлятины и прогорклого жира. Свет исходил только от случайных фонарей — да и те больше мерцали, чем горели. Где-то поблизости хлопнула дверь, раздался гогот. Пьяный голос что-то выкрикнул, потом раздался звук блевоты. За углом кто-то хрипло смеялся.

Я прошёл мимо таверны — низкое здание с ярким, но коптящим фонарем у входа. Свет вырывался наружу, как пар из котла, неся с собой запах дешевого эля, дыма и чьей-то несвежей одежды. Через приоткрытую дверь мелькнули силуэты: кто-то валялся на столе, кто-то спорил с пьяным надрывом в голосе. Один мужчина вылетел наружу, покачнулся, и, споткнувшись, сел в лужу, матерясь.

Я свернул в переулок.

Тьма там была совсем другой — не как в поле, не как в лесу. Городская тьма вязкая, она не просто скрывает — она наблюдает. Подворотни тянулись, как пасти, готовые сомкнуться. Где-то капала вода. Где-то кто-то шевельнулся — или это просто крыса?

Каждый шаг отзывался эхом. Пахло тухлым молоком, мочой, прогнившей древесиной. И в этой тьме я понял — город опасен.словно хищный зверь в ночи, он не бросается на тебя сразу. Вместо этого город наблюдает, ждет - пока ты ослабнешь, ошибешься, повернёшься не туда. И тогда его клыки вонзятся в твоё наивное тело клинками бандитов, зубами сточных крыс, упавшей черепицей, холодным безразличием окружающих. И потом тьма скроет все следы того, что случилось и что ты вообще когда-то существовал. Здесь можно исчезнуть без следа — не потому что убьют, а потому что никому нет до тебя дела. А может и то, и то сразу.

Я шёл медленно, стараясь держаться тени, но не сливаться с ней. Пока у меня не было цели. Ни плана, ни имени. Только улицы, сырость и пустой желудок.

Я свернул ещё в один переулок, намереваясь выбраться ближе к центру, где мог бы найти что-то более съедобное, чем помои у заднего входа таверны. Но в этот момент до меня донёсся крик.

— *Помогите! Пожалуйста! Кто-нибудь!..*

Женский голос. Пронзительный, сорванный. И почти сразу — мужской смех, грубый, раскатистый. Несколько голосов. Один выкрикнул что-то. Другой — захохотал, будто услышал шутку.

Я замер. Инстинкт подсказывал: иди дальше, не вмешивайся. У тебя нет оружия, нет сил, ты — полутень, выползшая из заброшенного амбара. Но ноги уже двигались сами. Я склонился, нащупал в грязи тяжёлый камень — не слишком большой, но с острым краем. Таким можно сломать челюсть, если ударить вовремя.

Звук доносился из-за угла. Я крался, насколько позволяли остатки ловкости и темнота. Тень отломанной балки скрыла меня, когда я заглянул.

Девушка прижата к стене. Молодая, с растрёпанными волосами, лицо в грязи и слезах. Один мужчина держал её за запястья, другой рвал на ней одежду, третий стоял чуть в стороне, оглядываясь. Все трое — типичные бандиты с большой дороги. Потные, вонючие, с кривыми зубами. У двоих на ремнях ножи, у третьего — дубинка с обмоткой цепью.

Я не дал себе времени на размышления.

Прыжок из тени. Камень обрушивается на череп того, что ближе — глухой треск, он валится без звука. Второй разворачивается, не успевает вытащить нож — удар кулаком в гортань, хрип, локтем в висок — он оседает, не успев выкрикнуть.

Третий — быстрый, слишком. Мгновенно откинув девушку в сторону, он принимает мой удар ноги на блок и отпихивает назад. Отшатываясь, я чувствую, как нога скользит на мокром камне — сил организма не хватает, чтобы быстро восстановить равновесие. Бандит срывает с пояса дубинку и бросается на меня. Я отшатываюсь, но поздно — удар приходится в голову, чуть выше виска. Удар не сильный — но много ли мне надо в этом состоянии?

Я успеваю услышать, как кто-то приближается.

— *Илария! Назад! Быстро!*

Гулкий топот сапог, лязг металла. Мужской голос — уверенный, зычный, резкий. Что-то кричат другие, но слова ускользают.

Мир качнулся, померк. Земля стремительно прыгнула мне навстречу. Потом — тьма.

Сознание возвращалось медленно, осторожно, будто боясь, что его прогонят. Голова гудела, как кузнечный мех, но внутри — не было той пугающей пустоты, как раньше. Я не спешил открывать глаза, мысленно оценивая обстановку.

Для разнообразия, это пробуждение было не столь омерзительным, как предыдущие. Ткань под спиной была чистой, хоть и грубой, запах — не затхлый, а скорее мясной, пряный, с намёком на горячее железо. Где-то в углу потрескивал огонь. Было тепло, руки нащупывали... одеяло? Что ж, улучшения налицо. Я открыл глаза и попытался приподняться — и тут же получил за это выговор.

— Эй, не дергайся. Ты и так достаточно напрыгался, герой. — Сказал знакомый голос. Женский, звучащий с теплотой и легкой усмешкой. — Как ты себя чувствуешь?

Я повернул голову. Рядом с кроватью сидела та самая девушка. Илария, как выкрикнули тогда. Теперь она была в чистой рубашке, волосы заплетены в тугую косу, лицо — худое, с резкими скулами и высокой линией лба, на котором еще заметны были пара царапин. Она чуть улыбалась, но карие глаза смотрели внимательно, по-взрослому сосредоточенно, будто в них уже давно не было юности. Казалась очень молодой — лет двадцать, даже наверно меньше, — но при этом в ней было что-то отточенное, собранное, как у натянутой тетивы.

Она держала в руках глиняную чашку. Что-то парило внутри, пахло жирным мясом и зеленью. Я сглотнул, и желудок немедленно отреагировал — зарычал, будто хотел выскочить наружу и сожрать содержимое чашки сам.

— Вот. Только не спеши, — она поднесла бульон к моим губам. Я хотел жадно наброситься, как зверь, но послушался — глотал медленно, чувствуя, как тепло возвращается в руки, в ноги, в лицо.

— Меня зовут Илария. — Сказала она, когда чашка опустела. — А ты кто?

— Я...

В этот момент дверь открылась.

— Он очнулся?

Голос был глухим, властным. В проёме показался мужчина — высокий, широкоплечий, с прямой военной осанкой и подбородком, будто вырезанным топором, украшенным аккуратной седой короткой бородой. Лицо резкое, с грубыми чертами, нос чуть искривлён, как у того, кто много раз встречался с кулаками или прикладами. Тёмные волосы, коротко подстриженные, на висках уже заметна проседь. Глаза — карие, как у девушки. Взгляд — холодный, изучающий. На нём — потёртая серо-жёлтая куртка армейского покроя с металлическими вставками на плечах и груди, сапоги покрыты пылью дороги. Он казался человеком, который слишком давно привык командовать — и слишком часто терял людей, чтобы теперь позволять себе лишние эмоции.

Мужчина подошёл ближе, сел на скамью у постели. Руку протянул без лишнего пафоса, коротко, по-военному.

— Данкарт Роэнгард, капитан «Лангардских Псов». А это моя дочь, как ты уже понял.

Я пожал его ладонь. Крепкий захват, с уважением — без вызова.

— Ты спас её, — продолжил он. — А я, как отец и как командир, не привык оставлять долги. Так что можешь считать, что ты теперь под нашей защитой. Пока не окрепнешь — еда, крыша и покой будут. Потом... посмотрим.

Я лишь кивнул. Резко благодарить было бы странно. Но внутри было... странное ощущение. Как будто я сделал что-то правильное. Не обязательно разумное — но верное.

Илария, между тем, снова подняла чашку.

— Хочешь добавки, герой?

Я устало усмехнулся. Кажется, впервые за долгое время.

— Лучше сначала скажите... где я вообще?

Я откинул одеяло и с трудом сел. Голова гудела, но уже не кружилась. Повязка на груди стягивала дыхание, но боль стала тупой, скорее напоминанием, чем препятствием. В комнате пахло травами и куриным бульоном.

— Ты в Фельдмаре, — сказала Илария, ставя кружку с чем-то горячим на тумбочку. — Пограничный город. Мы на южной окраине, в доме, который мы снимаем для отряда. Ты пролежал два дня.

Я кивнул, прислушиваясь к её голосу. Он всё ещё был напряжён, но без вины. Скорее... благодарность?

— Я... не знаю, как тебя зовут. — Она чуть улыбнулась. — У тебя с собой ничего не было. Ни документов, ни знаков, даже обуви нормальной.

— Я не знаю, — ответил я хрипло, касаясь виска. — Не помню имени. Не помню... ничего.

— Неслабо тебя приложили, — задумчиво протянул наемник.

— Это не из-за этого случая, — покачал головой я. — Память я потерял еще раньше, несколько дней назад. Как и почти жизнь. Выжить было непросто. Но сейчас мне гораздо лучше. Спасибо... вам обоим.

— Это мы тебе спасибо должны. — Он бросил взгляд на Иларию, и та ответила ему коротким кивком, прежде чем выйти. — Ты спас мою дочь. Это... многого стоит. Не знаю, откуда и кто ты, но не каждый бросается в подворотню с камнем в руке против троих уродов.

Я пожал плечами, чувствуя, как ноет затылок.

— Я не думал. Просто... пошёл.

— Бывает, — усмехнулся он, но в голосе слышалось уважение. — Ладно. Ты говоришь, ничего не помнишь?

— Совсем ничего. Ни имени, ни откуда я. Только... тело помнит. Иногда сны приходят, но не знаю, что из этого правда.

— Что умеешь?

Я задумался. Мышцы отозвались тугим напряжением, в ладонях — будто ещё оставалась память о весе оружия.

— Кажется, я умел драться. Движения знакомы. Даже когда дрался в переулке — всё получилось... будто само собой.

Данкарт кивнул и потер подбородок.

— Слушай, у меня нет привычки собирать по улицам безымянных героев. Но ты спас Иларию. Так что должок за мной имеется весомый. Сейчас ты без памяти, без денег, без плана.

Он наклонился вперёд.

— Так вот. Пока не вспомнишь, кто ты и куда тебе идти — можешь задержаться у нас. Будешь работать с Лангардскими псами. Поднимешься на ноги, а там — глядишь, и прошлое догонит. Уж это меньше, чем я могу тебя отблагодарить.

Я всмотрелся в его лицо. Предложение было честным. Не милость, а возможность.

— Я согласен.

— Вот и ладно. — Он встал. — Отдыхай. Завтра познакомишься с остальными. А пока — ты наш гость. Или... теперь уже один из нас.

Он вышел, и в комнате снова стало тихо.

Я откинулся назад, глядя в потолок. Было странное чувство — не радость, не облегчение. Скорее... якорь. По крайней мере теперь у меня есть время разобраться, что делать дальше.

Глава 4. Первая охота.

Солнце клонилось к закату, окрашивая тренировочную площадку в пыльно-рыжие тона. В воздухе висел запах пота, металла и мокрой земли. Где-то в стороне кто-то точил клинок, ругательства вплетались в ритм стука точильного круга. А на вытоптанной глине, между деревянными стойками и подлатанными мишенями, я стоял с мечом в руке.

Прошла неделя с моего пробуждения в доме капитана. Тело восстановилось, окрепло, движения больше не приносили постоянные вспышки боли. Воспоминания так и остались в тумане, но хотя бы у меня появился минимальный план на ближайшее время.

Стоянка наемников в городе закачивалась, скоро они отправлялись дальше, в Вольные Баронства – содружество независимых феодалов на западе. Мне нужно было проверить себя, понять – что реально я умею, чтобы отправиться с ними – поэтому последние несколько дней я активно проводил спарринги с людьми из отряда.

Сегодня — усиленная тренировка. Напротив — двое.

Первый — Риг, коренастый, со сбитыми плечами и короткой шеей, будто сам выточен из камня. Его квадратное лицо украшала двухдневная щетина и сломанный нос, из-за чего он казался вечно хмурым. В руках — короткий меч и круглый щит с потёртым кожаным обтягом. Он двигался без спешки, но с опасной уверенностью, как опытный уличный драчун.

Второй — Гракс, высокий, широкогрудый, с растрёпанными светлыми волосами, торчащими в разные стороны, и вечно насмешливой улыбкой. Его голос был громким, движения — размашистыми, но не лишёнными точности. На нём болтался мягкий жилет из плотной ткани, на плече — потёртая боевая повязка. Он размахивал тяжёлой двуручной тренировочной секирой, будто это была обычная трость, не забывая при этом сыпать шутками.

— Ну что, Темный, — ухмыльнулся Риг, крутя меч в руке. — Посмотрим, чего ты стоишь без подворотен и криков девиц.

Я не ответил. Зрение сузилось, фокус сжался до оружия и движений. Кожа чувствовала сырость дровяка, мышцы помнили — хват чуть плотнее, нога на полшага в сторону. Сердце билось ровно.

Гракс пошёл первым — широкий замах, удар сверху, как у дровосека. Я сделал шаг вбок, проваливаясь под лезвие, и повёл клинок низко, к ногам. Гракс отшатнулся, не ожидая скорости. В этот момент Риг бросился в лоб — удар в плечо, рассчитанный скорее на проверку, чем на победу.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Щелчок — клинок скользнул по моему, я развернулся, выбивая его локоть внутрь, и толчком плеча сбил равновесие. Риг рухнул на бок, шипя, и тут же вскочил, злясь.

— Дерьмо, — пробормотал он, — ты явно не новичок.

— Он будто танцует, — выдохнул кто-то из зрителей за загородкой. — Вы гляньте на его шаги!

Следующие минуты слились в единый ритм: удары, шаги, отскоки. Мышцы гудели от напряжения, но тело работало как отлаженный механизм. То, чего не знал ум, помнило тело.

Я перемещался по полю, не позволяя им окружить меня. Шаг, отскок от ударов алебарды, резкие сокращения дистанции, клинч — и снова разрыв. Экономил силы, стараясь больше уклоняться и меньше принимать на блок — все же физически оба были сильнее меня. Поэтому нужно было заставить их тратить силы на пустые удары, экономя свои для контратаки.

Я не выигрывал — я выживал и одновременно учился, с каждым ударом возвращая себе себя. Ошибки были, но рефлекс спасали. Когда Риг перешёл на яростную серию замахов, я

отбил один, второй — и на третьем скользнул внутрь его обороны, прижав клинок к его шее. Он застыл, а потом хмыкнул, отступая.

— Ладно... Темный, ты прям змей какой-то!

— Думаешь, он наёмник? — спросил кто-то. — Или дезертир из какого-то элитного легиона?

— Ага, элитные легионы же сплошь из эльфов состоят, — загоготал Гракс, — Фарн, не тупи!

— А может, он убийца, — усмехнулся Риг, — только очень вежливый. Колись, Темный, где ты так научился драться?

— Если вспомню — сразу расскажу. Тебе надо, а то вдруг следующий полудохлый бродяга уже не будет сдерживаться, как я, да снесет тебе в спарринге голову.

Народ радостно заржал. Риг и притворно-возмущенным «Эй!» погрозил мне кулаком и улыбнулся. Я опустил меч и вытер пот со лба. В груди пульсировала усталость, шрам на груди (после лекарьских мазей Иларии рана быстро затянулась, оставив лишь чуть выпуклый рубец) чесался, но внутри — нечто другое. Спокойствие. Уверенность. Осознание: я могу. Даже без прошлого, без имени — я всё ещё воин. Почему-то это было важно для меня. И в то же время в голове поселилось ощущение, что пока что я слаб. Невероятно слаб в сравнении с тем, каким должен быть.

Из тени под навесом наблюдал Данкарт. Он не улыбался, но глаза его сузились в удовольствии. Когда я обернулся, он коротко кивнул.

— Завтра идёшь с нами. — Сказал он. — Будет вылазка. Ничего сложного, проверка. Посмотрим, как ты в деле, а не только на тренировке.

Колёса продолжали скрипеть, словно бормоча себе под нос что-то старое и недовольное. Дорога вилась между холмами, пересохшими и покрытыми низкой травой, то и дело исчезая под корнями одиноких деревьев. Мы ехали третий день, и всё стало частью одного и того же пейзажа — пыль на сапогах, ритм копыт, запах пота, кожи, овса.

Я сидел в телеге ближе к концу каравана. Как оказалось, я хоть и умею ездить верхом, но к длительным переходам тело не привычно. Поэтому в итоге я пересел на телегу, чтобы моя задница не превратилась в одну единую мозоль. Так, в относительном комфорте, с арбалетом под рукой, я охранял тылы и размышлял.

Я вспоминал первый день тренировок. Тело восстановилось, нужно было понять — на что я способен. Когда впервые мне дали возможность выбрать оружие, взгляд упал на массивный двуручный меч. Было в нём что-то... неувовимо правильное. Простой, гладкий клинок, немного потертый — разум почему-то считал это чем-то привычным. Я взял его в руки, и почти сразу в голове начали всплывать образы. Схемы ударов - резкие, простые, но эффективные. Беспощадные и неотвратимые. И почему-то часть связок предполагала одноручный хват меча.

Но стоило попробовать повторить их на деле, как тело дало понять — это не его. Запястье ныло, плечо будто заклинило, движения получались неуклюжими. И даже не вес мешал — будто мышцы просто не знали, **как** справиться с этим оружием. Они были натренированы под другое. Баланс стойки сбивался сразу, при ударе тело вело, вес явно был слишком велик. Но почему же мне кажется, что раньше я сражался именно таким видом оружия?

А вот короткое оружие — другое дело. Скимитар лёг в ладонь так, словно лежал там тысячи раз. Баланс — идеальный, дуга клинка — словно продолжение движения запястья. Я попробовал связку ударов — шаг вбок, разворот, удар снизу, уход — и всё сложилось в ритм. Без напряжения. Просто... естественно.

Рапира тоже была неплохой — быстрая, колющая, и в целом привычная. Но с ней я будто ограничивал свою подвижность, ведь рапира предполагала весьма линейный бой. А вот скимитар был живым. Гибким. С характером. Таким, с каким можно выжить не только на дуэли,

но и в уличной потасовке. Смещения, подскоки, удары с любого угла – да, это явно телу было привычно.

Что странно, в голове не всплывало ни одной связки, ни одного финта – но стоило сделать несколько пробных взмахов, как тело самостоятельно приняло стойку, а руки будто зажили своей жизнью, рисуя смертоносную вязь.

Кинжалы – прямые и обратные, «ушастые», короткие мечи, легкие сабли – тоже нашли отклик. Похоже, что раньше я действительно умел сражаться, причем практически на всех видах легкого оружия. При этом мог сражаться обеими руками, хотя пока что ошибок было много.

Кроме того, я попробовал ножи. Просто ради интереса — метнул один в деревянный щит, и он вонзился почти по рукоять. Второй — в двух пальцах от первого. Попробовал ещё раз, и ещё — и каждый раз чувствовал: это моё. И как и с фехтованием, метать я мог обеими руками практически с одинаковым результатом.

С тех пор на груди у меня висела перевязь с пятью метательными ножами. Не тяжелая, почти не чувствовалась. Но дающая странное ощущение защищенности.

Я машинально почесал подбородок, в очередной раз слегка поцарапав себя ногтями. Плохая привычка.

Я не знал, кем был прежде. Но тот, кем я был, точно не махал здоровенным мечом, пробивая строи. Я был... точнее. Быстрее. Умел уходить из-под удара, бить коротко и по делу.

Данкарт ехал впереди, что-то обсуждая с Фарриком – молодым парнем, который только вернулся из разведки пути. Я слегка поправил ремни, коснулся пальцами рукояти скимитара. Удобно. Привычно.

— Привал через 10 минут! – раздался зычный голос капитана. — Фаррик нашел удобную стоянку.

Вскоре мы свернули с дороги ближе к ручью — бурливому, живому, словно поющему в своем беге по камням. Поляна оказалась почти идеальной: ровная, защищённая деревьями, с доступом к воде. С полудня мы шли без остановок, а сейчас уже начинало откровенно темнеть, и когда капитан махнул рукой — «привал» — отряд словно выдохнул.

Бург, который в отряде стоит на позиции первой линии, уже сгрузил свои тяжёлые доспехи с телеги и принялся колдовать над котелком с кашей — сегодня была его очередь готовить. Огромный щит и копье стояли воткнутыми в землю рядом, как стражи на отдыхе.

Рядом на корточках сидел Лурик Мрачный — второй из «тяжёлых» бойцов. Он точил свой клевец с видом человека, который этим клевцом будет кого-то бить уже очень скоро. За эти дни я уже понял, что он из тех, кто никогда не говорит попусту, но когда открывает рот — обычно по делу. Или мрачно, но метко.

Фарн, третий в линии щитов, мыл руки в ручье. Его секира стояла у дерева. Лысый здоровяк насвистывал себе какую-то мелодию.

Мирель — рыжая лучница — задумчиво смазывала тетиву воском, чтобы защитить ее от влаги. Глаза внимательно скользили по кустам и деревьям вокруг, будто она ожидала нападения. Наблюдал ее тренировки – на соревнованиях по меткости я бы против нее выходить не рискнул.

Олвер «Три пальца», арбалетчик, сидел на бревне, развинчивая свой арбалет и приговаривая себе под нос. Три пальца на левой руке не сильно мешали ему быстро и споро проверять натяжной механизм. Ругается много, стреляет метко.

Фаррик Делл — молодой, гибкий, всегда в движении. Темноволосый, с карими глазами и вечно растрёпанными густыми волосами, торчащими во все стороны. Главный разведчик отряда. Он сейчас возился с дротиками, привязывая к ним какие-то перья. Иногда кажется, будто он носится даже во сне.

Риг — боец средней линии. Пару раз я видел, как он репетирует движения, будто боец на арене. Осторожный, методичный. Фехтует неплохо, хотя один на один я его все же делаю без проблем.

Гракс — не пропустишь. Шумный, всегда что-то несёт, сейчас ворчал, пытаюсь воткнуть свою алебарду в землю. Рослый, как бык, силы — с избытком, мозгов — по настроению.

Ясра — светловолосая воительница с резкими суровыми чертами лица сидела у дерева недалеко от Иларии, проверяя лезвия своих метательных ножей. Молот рядом, и взгляд тяжёлый. Она не была особо разговорчива. Хотя на Иларию ее неразговорчивость не распространяется, они часто о чем-то шепчутся вдвоем.

Капитан, Данкарт Роэнгард, стоял у костра и что-то раскладывал по карте. Длинный меч висел за спиной. Он не поднимал голос, но достаточно было взгляда — и все делали, что надо.

Илария, его дочь. Да, как оказалось, девушка в беде по совместительству была магом и лекарем отряда. Именно благодаря ей я столь быстро поднялся на ноги. Благодаря ее заклинаниям всего за несколько дней я смог полностью встать на ноги и тренироваться, а с помощью ускоряющих восстановление эликсиров уже через неделю я вышел на бой против двоих и выиграл.

Сейчас она доставала из сумок приправы для еды, помогая Бургу. Легко улыбалась, но в глубине карих глаз читалась какая-то давняя грусть или скорбь.

И я. Тёмный эльф без имени и прошлого. Чтобы не заморачиваться, меня все пока просто звали Тёмным.

Капитан поднял голову:

— Слушайте внимательно. Есть дело.

Разговоры затихли. Даже Бург с Фарном, обычно несущие чушь без паузы, повернулись к нему с интересом.

— Намеченная цель — гнилокрысы. Уже недели две как обосновались между деревьями на юго-западе. Твари в своем репертуаре – жрут все подряд. Не только зерно, но и животных. Плюс есть пропавшие люди, так что зверьки вероятно вымахали уже большие. Следов — немного, но хватает, чтобы в городе решили нанять нас.

Я поднял взгляд.

— Гнилокрысы? — Мой голос прозвучал негромко, но в тишине костра его услышали все. — Что за твари?

Отвечать первым начал сам капитан:

— Мутанты. Аномалия прошла по местности лет десять назад — маги говорят, граница истончилась, и часть здешней фауны изменилась. Обычные крысы, да только теперь размером с хорошую дворнягу. Мускулы, клыки, скорость.

Илария добавила:

— Самая большая проблема – их укусы. В слюне что-то вроде яда. Если попадет в кровь — даже здорового человека может свести в могилу за пару дней. Если нет хорошего снадобья или мага с нужными рунами – шансов на выживание почти нет. И смерть эта, — девушка поежилась, видимо, вспомнив что-то, — не из приятных.

— Мерзкие твари, — буркнул Олвер, не отрываясь от натирки арбалета. — Не то чтобы опасны в бою, если видишь их, но любят вылезать из подвала, когда ты штаны спустил.

— Или когда дежурный заснул, — хмыкнул Гракс. — Помнишь, как в Мельбреке? Я-то думал — курица подкралась. А оно как за штанину...

— И зубы, как гвозди, — вставила Мирель. — Мне одна когда-то через сапог продралась. Ходила потом, как раненный кабан.

Я кивнул. Информации было достаточно, чтобы сложить картину. Мутанты, работающие из тени. Ядовитые. Быстрые. Опасны ядом, внезапностью и стайностью.

Я не чувствовал страха. Но внутренне сразу начал перестраивать схему: какое оружие держать под рукой, в какую сторону двигаться, если запахнет кровью, кого из наших прикрывать в первую очередь. Инстинкты срабатывали раньше мыслей.

Капитан выпрямился, взгляд обвёл поляну. Костёр уже горел ровным языком, над ним повисла еле заметная завеса пара от котелка Бурга.

— До деревень, где были нападения, осталось немного, — начал Данкарт. Его голос был негромким, но отчётливым. — Завтра утром выходим в боевом. Без привалов. Двигаемся до середины дня, потом — сворачиваем к холмам.

Кто-то застонал — не от недовольства, скорее, по привычке.

— Холмы — между деревнями. Если твари нападают и там, и там, логично, что они обосновались где-то между, — продолжал он. — Думаю, пещеры. Либо старые, либо вырытые.

— Вырытые, капитан? — это уже Фаррик. Видимо, тоже не сталкивался с ними раньше.

— Да. Это мутанты, помни. Они гораздо умнее обычных крыс, и вырыть себе хоромы со скрытыми и запасными входами — для них не фокус. Так что будем заваливать туннели, если сможем, или выкуривать.

— Лишь бы нас не завалили, — буркнул Лурик, не отрываясь от клевца.

— А ты не давай им, — отозвался Гракс, хлопнув по своему шлему. — Будет весело.

— Только если не тебя первым утащат, — заметила Ясра, не поднимая глаз.

Капитан не вмешивался. Дал разрядиться.

Я повернулся к нему:

— Что еще по укусам? Лечение?

Ответила Илария. Голос у неё был спокойный, расслабленный — как будто она говорила о погоде.

— Магия или специальные снадобья. У меня с собой всё есть, — коротко кивнула она. — Но если укусы массовые — будет тяжело. Не дайте себя укусить.

— Мерзкие твари, не недооценивай их — пробормотал Олвер мне, плюнув в костёр. — Прыгают из темноты, грызут и бегут. Стая работает как одна — будто у них вожак умнее некоторых людей.

Фаррик, сидящий рядом, усмехнулся:

— Опять про Гракса?

Гракс показал ему кулак, но без злобы.

Я снова окинул всех взглядом. Отряд явно слаженный, даже несмотря на то, что несколько человек сравнительно молодых. Это было важно. Теперь главное мне понять, как бы эффективно встроиться в их схему сражения.

Капитан подбросил в костёр щепку, и, как будто услышав мои мысли, взглянул на меня:

— Темный, работаешь в прикрытии. Присматривай за Иларией, пока она колдует, раз уж тебе так нравится спасать девиц в беде — по-доброму усмехнулся он, заработав притворно-недовольный взгляд от дочери. Пара ребят гогом поддержали его. Данкарт обвел внимательным взглядом отряд. — Ещё раз: завтра боевой порядок с утра. Готовность — как перед засадой. Это не бандиты. Это хуже. Всё понятно?

Все подтвердили. Кто вслух, кто молча. Всё было понятно.

Глава 5. Первая охота. Часть 2.

Солнце стояло уже высоко, но не жгло. Оно просто было — слепило и давило со спины, пока мы шли по прижухлой траве вдоль каменистого склона. Холмы поднимались впереди, пологие, но тяжёлые, как старые кости под кожей земли. Иногда среди травы попадались косточки животных, высохшие, обглоданные. Данкарт это замечал, но ничего не говорил.

Когда мы поднялись на гребень, он вскинул руку. Колонна замерла.

— Привал. Пятнадцать минут. Воды, перекус. — Его взгляд скользнул вдоль горизонта, на запад, туда, где местность начинала проваливаться в цепь оврагов и заросших кустарником распадков. — Дальше останавливаться опасно – слишком легко им будет подобраться.

Я осел рядом с низким кустом, вытер шею. Пыль прилипала к коже. Мирель отстёгивала колчан, а Бург уже терзал зубами кусок вяленого мяса.

Но Данкарт смотрел не на пищу и не на карту. Его глаза нашли Фаррика — и, через секунду, меня.

— Вы вдвоём. — Его указательный палец указал между двух скал, чуть ниже по склону. — Там ложбина и старая тропа. Возможно, будут следы. Посмотрите. Без геройства. Возвращаетесь через полчаса.

— Есть, — отозвался Фаррик. Он уже поправлял лук и повязывал темную тряпку на волосы. Я просто встал и двинулся за ним. Не нужно было говорить. Всё и так было понятно.

Мы спустились в ложбину по едва заметной тропе, больше похожей на звериную тропку. Слева кусты — жёсткие, с мелкими листьями. Справа — каменные плиты, с редкими потеками мха. Пахло сыростью.

Фаррик шёл впереди, легко, беззвучно. Иногда он приседал, трогал траву, приподнимал сухие листья. Следопыт — это было видно. Хотя я заметил, что тоже периодически замечал следы зверя — обломанные веточки, примятая трава, как будто сметенные единым движением хвоста камешки.

Когда мы вышли к хижине — маленький охотничий домик, перекошенный, как пьяный гриб — я уже чувствовал запах. Не только зверя. Что-то ещё. Гниль. Смерть.

— Смотри, — шепнул он. — Сумка. Разорвана.

Я кивнул. Почти в тот же миг из-под настила перед дверью вырвалась первая тварь. Размером с собаку, почти бесшумная. Черная шерсть, на хвосте росли небольшие острые иглы, передние зубы были значительно крупнее относительно головы, чем у обычных крыс.

Тварь прыгнула прямо на меня. Время будто замедлилось, словно отчаянно давая мне шанс на спасение. Мир сузился до блеска ее желтых зрачков и омерзительного запаха из пасти. Я резко упал, выбросив вперед клинок. Удачно — лезвие вошло ровно в грудину. Крыса заверещала, попытавшись достать мне до лица когтями, но дотянулась только до брони на груди, лишь повредив ее. Я резко дернул скимитар с насаженным телом в бок, второй рукой выхватив нож из перевязи на груди и воткнул его крысе прямо в глаз. Последний раз вздрогнув, крыса обмякла.

Вторая тварь в это время бросилась на Фаррика. Парень заорал и явно рефлекторно выстрелил — благо что к домику он подходил наготове, со стрелой на тетиве. Рефлексы его не подвели — стрела вошла ровно в раскрытую пасть монстра, отчего он дернулся и рухнул под ноги разведчику.

Фаррик резко наложил на тетиву следующую стрелу, цепко оглядывая дом. Я поднимался на ноги. Высвободил метательный нож из глазницы убитой крысы и начал обтирать его об мех твари. И тут увидел краем глаза движение со стороны, откуда мы пришли.

— Аккуратно, сзади! — выкрикнул, одновременно разворачиваясь и рефлекторно, на чистом инстинкте, отправляя нож в юркую тень, выскочившую из кустов. Нож вошёл ей в

бок, но не остановил, заставив лишь запнуться. Фаррик разворачивался. «Бездна, он не успеет выстрелить, не с этого расстояния!» - мелькнуло в голове.

К счастью, Фаррик и не думал стрелять. Используя разворот, он просто зарядил сапогом гнилокрысе в голову боковым ударом, отчего та отлетела на несколько шагов. Крыса встала, встряхнула головой – и тут же получила в глаз стрелу от Фаррика и второй нож в холку от меня.

Потом тишина.

Мы оба тяжело выдохнули, будто после длительной пробежки. Первый реальный бой оказался волнительнее, чем мне представлялось ранее.

— Жив? — спросил я.

— Да. Сам как? Если ранен – нужно срочно промыть. Основная проблема – укусы, но и от когтей может быть зараза.

Я успокаивающе махнул рукой, высвободил скимитар и ножи, и пнул дверь хижины. Доска хрустнула и отлетела внутрь.

Внутри висел плотный, почти осязаемый запах гнили и смерти. Гудели мухи. На полу — спальные меха, залитые давно высохшей кровью. И посреди комнаты... куча костей. Неполная. От человека осталась лишь часть торса, несколько рёбер и нижняя челюсть. Всё остальное — сгрызено, разнесено, растащено.

Фаррик стоял у порога, бледный. Но не сказал ни слова.

— Скорее всего, охотник. Они напали ночью, пока он спал. Дней десять назад, думаю – Сделал заключение я. В голове опять мелькнул привычный вопрос: а откуда у меня такие знания? И как обычно, в ответ в висках забилась тупая боль – как и при каждой попытке разбудить воспоминания.

— Ушли через окно, — сказал Фаррик, указывая на пролом в задней стенке. — Но двинулись не просто в лес. Смотри.

Он вышел наружу, обошёл дом, присел у влажного участка земли.

— Здесь. Следы. Крупные. И вот — ведут на запад.

Мы двинулись по следам. Раз потеряв их при переходе через небольшой ручеек, в итоге все же мы дошли до склона холма. Ещё шаг — и я увидел провал в грунте. Не нора, как у барсука. Нет. Это было похоже на вход. Почти круглый, с гладкими краями и грязью, утрамбованной в стороны.

— Это уже не просто гнездо, — пробормотал я. — Это практически укрепленный тоннель.

Фаррик кивнул, глядя внутрь.

— Похоже, они живут под холмом. И роют всё глубже.

— Возвращаемся?

— Да. Наши полчаса явно уже вышли, так что поспешим.

Спустя час почти весь отряд стоял у входа в гнездо гнилокрыс. Вход в нору зиял в основании склона — тёмное, почти круглое отверстие, как пасть чего-то глухого и воняющего сырой смертью.

Мы стояли на склоне, в полукруге, вооружённые и молчаливые. Данкарт осматривал проход, щурясь на солнце, которое опускалось медленно, давая нам лишь час-другой до сумерек.

Повозки и лошадей оставили у места привала. С ними остались Риг и Бург. Остальные были здесь.

— Внутри не пролезть, — сказал Данкарт. — Придётся выкуривать.

Он произнёс это без особого энтузиазма.

— Подожди, — отозвалась Илария.

Она стояла чуть поодаль, присев на корточки, и трогала землю пальцами. Потом выпрямилась, встряхнула ладони, нахмурилась.

— Холм широкий, земля мягкая. Ход уходит вниз под уклоном. Значит, гнездо — где-то ближе к центру холма. Но важно, что тут не скальный массив, сплошная земля.

Она взглянула на отца.

— Я могу попробовать заклинание.

Капитан прищурился:

— Какое ещё заклинание?

— То самое, отец. — Она достала тяжелый гримуар с металлической защелкой. — Это руна давления. Холм невысокий, я смогу направить давление на всю площадь, и если правильно выставлю модуляры, то...

— Ты никогда не пробовала столь масштабные заклинания в полевых условиях, — жёстко сказал Данкарт. — А если перегруз? Если тебя вывернет в обратку?

— А если мы их не выкурим? Если они сбегут в другие выходы? — воскликнула Илария. — Или хуже — вся стая выскочит на нас всем скопом? Ты же знаешь, что заклинание лечения работает только, если укусов мало. Ты хочешь так рискнуть?

— Мы — воины, это наша работа — рисковать, и...

— Я тоже воин, отец! Нравится тебе или нет, но я — часть отряда, и наравне со всеми должна нести риски. И мой план все равно безопаснее, ты знаешь это! Их будет слишком много, отец!

Молчание. Несколько секунд, только ветер по траве.

— Ты уверена? — спросил он наконец.

— Да. Верь в меня.

Капитан скривился, словно проглотил гвоздь, но кивнул. Медленно.

— Просто будь осторожна.

— Почему их будет много? — шепотом поинтересовался я у рядом стоящего Бурга.

— Мы не впервые их встречаем. Чем больше стая — тем больше каждая особь. Черт его знает, почему так. — протянул он. — Судя по размеру убитых вами, это средняя стая, может около полусотни. Раньше мы сражались со стаями поменьше.

— Понятно. — Задумчиво почесав подбородок, в очередной раз чуть запнувшись когтями, ответил я. Да, полсотни таких тварей в одной атаке, с учетом их скорости и прыгучести — это будет *очень* проблемно.

Илария опустилась на колено, раскрыла гримуар. Я стоял неподалёку, наблюдая.

Гримуар явно не был новым. Скорее всего он был заметно старше самой девушки. Кожа на обложке — тёмная, с потертостями, будто книга пережила не одну зиму и не один бой. Когда она раскрыла его, я увидел страницы. Не пергамент — плотная, желтоватая кожа, тонкая, почти как ткань. Запах от неё был странный: смесь железа, старого пепла и чего-то чуть сладковатого, словно прелая роза.

Каждая страница содержала большую центральную руну, вокруг нее — множество руны поменьше. Руны словно слегка светились или переливались разными цветами.

Илария перебирала страницы, пока не выбрала одну. Сложная, многоузорчатая, с фиолетовым отливом. Почему-то на мгновение показалось, что руна будто втягивает в себя все вокруг.

Девушка положила ладонь на страницу, закрыла глаза. Её лицо исказилось в усилие — лоб напрягся, губы дрожали. Воздух вокруг стал вязким. Внезапно я увидел движение *чего-то* ее ладони в страницу. Чего-то, что не имело ни осязаемости, ни цвета — только само движение. Как в жаркий день воздух потоком поднимается вверх от раскаленных камней — и ты можешь видеть эту странную прозрачную дымку. Так и тут, только эта дымка шла в центральную руку и в две руны поменьше вокруг. Мгновение, другое... и это движение прекратилось, а Илария болезненно выдохнула.

В следующую секунду землю будто потянуло вниз.

Я не сразу понял, что именно происходит. Просто где-то под ногами хрустнуло. Потом ещё — звук пошёл волной, изнутри холма, как будто сам воздух треснул.

Потом — глухой грохот. Сначала один. Затем второй, будто за ним упали тысячи камней. Земля задрожала — легко, но отчётливо. Холм будто вздохнул, и на его боку пошли оседания. Один из кустов провалился в себя. Трава легла, как после урагана.

Из норы повалил серо-чёрный воздух, запах гнили и пыли. За ним — волна визга, дёрганная, разрозненная. Крысы кричали, но не как звери. Как нечто, понимающее, что умирает.

Грохот затих, и на минуту наступила полная тишина.

А потом я увидел, как Илария покачнулась.

Я шагнул вперёд, но она уже оседала, как кукла, из которой вынули нитки. Капитан подхватил её раньше, чем она упала.

— Или... — выдохнул он, но она уже не слышала.

Из её носа текла тонкая струйка крови. Глаза — закрыты, дыхание сбилось.

Капитан посмотрел на неё. Потом — на гримуар. Потом — на холм, который всё ещё дышал пылью.

— Ясра!

Наемница еще до крика капитана сорвалась с места и кинулась к сумке Иларии. Быстро выхватив оттуда какую-то склянку с бордовой жидкостью, она подскочила к капитану с дочерью, одним движением сорвала пробку с сургучом и протянула зелье Данкарту.

Тот принял зелье и начал аккуратнo, бережно, буквально по капле вливать его дочери. Отряд замер, все не сводили напряженных взглядов с магессы. Одна секунда шла за другой, один пропущенный удар сердца — за другим.

Илария закашлялась внезапно. И тут же раздался дружный слитный выдох. Из людей словно вытащили стержень, некоторые даже покачнулись.

Я внимательно обвел всех взглядом. Они ведь действительно переживали. Буквально не дышали, ждали. Не приказа. Не победы. А её дыхания.

Когда Илария окончательно задышала, Данкарт на секунду прикрыл глаза. Как будто только тогда позволил себе выдохнуть. Его лицо всё ещё было каменным, но плечи — чуть ниже, жёсткость в челюсти — чуть слабее. Он осторожно передал флягу Ясре, кивнул ей — и медленно, бережно, помог дочери сесть. Та моргнула, словно с трудом возвращалась в тело, и прошептала что-то неразборчивое. Я не расслышал. Он — услышал. И этого было достаточно.

Капитан поднялся и обвёл отряд взглядом.

— Темнота скоро. Но мы не знаем, сколько их было. Не исключено, что часть стаи была снаружи. Не хочу, чтобы на нас вывалилось что-то из-под земли, когда мы будем ужинать. — Ясра, хватай Иларию — и в лагерь. Остальные — разбиться по парам! Прочешите вокруг холма. Ищем норы, запах, следы. Убиваем, если что-то дышит и шуршит. После — возвращаемся. И без геройства!

Ясра уже помогала Иларии подняться. Девушка держалась на ногах, но пошатывалась. Губы бледные, кожа почти серая. Магическое истощение — я чувствовал, хотя сам не знал, откуда. Гримуар она прижимала к груди, будто живое.

Я оказался в паре с Фарриком. Он не болтал — на этот раз. Только молча проверял тетиву и шагал вперёд, скользя глазами по земле. Мы обходили северную сторону холма, где склоны были чуть круче. В одном месте нашли расщелину — у самого подножия валялись разбросанные кости какого-то зверя. Там же — две гнилокрысы. Наверное, были снаружи, когда холм начал рушиться.

Они почуяли нас и бросились вперёд. Мы разделились, Фаррик отвлёк одну, я встретил вторую скимитаром. Она прыгнула, но я ударил раньше — снизу вверх, почти автоматически. Лезвие вошло под челюсть и вышло через темя. Вторая получила стрелу в бок, а потом — клинок в шею.

— Подожди, надо собрать добычу. — Сказал Фаррик. Оказалось, что из крыс вырезают ядовитые железы, которые располагаются за нижней челюстью. Парень быстро показал мне, где они, так что со своей крысой я справился уже сам. Также добычей считались глаза и хвосты. Глаза тоже использовались для алхимии (Фаррик не знал, для чего именно), а вот хвосты — уже просто для отчета перед нанимателем.

Другие пары тоже возвращались не с пустыми руками. В итоге, кроме нашей двойки, нашли и прикончили еще семь особей.

Через пару часов мы сошлись у прежней стоянки.

Солнце садилось. Капитан принял все отчеты. Судя по всему, мы действительно накрыли большую часть стаи в холме, после обрушения свежих следов из тоннелей не было. Так что даже если пару крыс и остались живы вне холма — они уже не опасны и возможно местное зверье само позаботится об их участи.

Илария сидела у повозки, завернувшись в плащ. Глаза полуприкрыты, лицо — бледное, но она была в сознании. Гримуар рядом, аккуратно закрыт. Я смотрел на неё с краю, не приближаясь. Она встретила взгляд и чуть кивнула. Я ответил тем же.

Данкарт встал, хлопнул в ладони.

— Задача выполнена. — Он говорил спокойно, не торопясь. — Уходим с рассветом. Сегодня — отдых. Дежурства по трое. Кто в первой смене — ко мне. Остальные — еда, сон, чистка оружия. Без самодеятельности.

Расслабленность проскользнула по отряду, как тёплый ветер. Кто-то присел, кто-то скинул латы. Олвер с довольным хрустом развинтил арбалет, а Гракс уже тормозил Бурга на тему ужина.

Колёса повозки скрипели на камнях, лошади фыркали. Остальные шли впереди — наёмники разбились на пары, вяло переговариваясь. Никто не спешил. После вчерашнего позволяли себе тишину.

Я сидел в повозке, рядом с Иларией. Она всё ещё была бледна — почти как пепел, только глаза оставались живыми, хоть и уставшими. Иногда их залипалый взгляд соскальзывал куда-то в сторону, и я не был уверен, видит ли она окружающее или рисует что-то своё — в уме, за полуприкрытыми веками.

— Как ты? — спросил я, когда повозка в очередной раз мягко подпрыгнула на кочке.

— Жива, — ответила она без выражения. Голос был хрипловатый, но ровный. — Этого достаточно.

— То было... впечатляюще, — сказал я после паузы. — Заклинание. Ты назвала его заклинанием давления?

— Да. — Она чуть повернулась ко мне, поправляя плащ, который слетел с плеча. — Это рунная форма. «Pressura Circum Gravis». Основа — «Pressura» — давление. «Prolix» расширяет область, «Magnus» усиливает эффект. Я их скомбинировала. Но правда... немного переборщила.

— Это как?

Она усмехнулась уголком губ — слабо, но всё же.

— Переборщила с рунами второго круга. Это такие... настройки. Специальные маленькие руны, которые добавляются к основной — и могут изменить её силу, радиус, продолжительность или даже «поведение». Я вложила слишком много энергии. Больше, чем нужно. Хотела быстрее, сильнее. Вот я и...

— И тебя... «сложило»?

— Да. — Она не отвернулась, не смутилась. Просто кивнула. — Руна взяла больше, чем я выдержала. Понимаешь, руны — это просто инструмент. Они не думают. Ты вливаешь в них

энергию, они берут ее. Сколько дашь. Цена магии – твоя жизненная сила. И если перестаться... ну, ты видишь результат перед собой.

Мы ехали в молчании ещё с минуту. Потом я спросил:

— И всё это ты хранишь в одной книге?

— Не совсем. — Илария чуть приподняла гримуар с колен. Он был перевязан ремешком, обложка по-прежнему испачкана пылью и потом. — Гримуар – это просто обложка. На самом деле важны сами страницы. Это специальные страницы из обработанной кожи. На них мы рисуем нужные нам главные руны и к ним подходящие руны второго круга. А когда надо – я просто вливаю энергию в главную руну и нужные мне вторичные – и указываю сформировавшемуся заклинанию цель.

— А дальше заклинание действует само?

— Да. — Она слегка кивнула. — Все, что нужно, уже есть в руне. Ну и в том, как главные руны работают с вторым кругом.

— И ты запомнила их все?

— Почти. — Она чуть прищурилась, устало. — Но не держу всё в голове. Понимаешь, каждый раз, когда я пропускаю энергию через страницу – это разрушает ее. И в итоге страница истлевает или рвется, или рисунок руны портится. Её нужно перерисовывать. Вот в этот момент и приходится вспоминать руну или аккуратно перерисовывать ее из учебника. А в остальное время можно просто открыть гримуар на нужной странице.

— Тогда почему не колдовать с учебника? Или просто нарисовать много листов каждой руны?

— Хах, Темный! Если бы все было так просто! — Улыбнулась девушка. — Чтобы в руну можно было влить энергию и запустить заклинание, она должна быть нарисована на специальной странице – обычная бумага просто не выдержит поток энергии. И сама руна тоже должна быть нарисована специальными магическими чернилами. Туда много чего входит, но самое важное – толченные драгоценные камни. Так что каждая страница с руной – это очень и *очень*-недешевое удовольствие.

— Тогда почему не учиться работать напрямую? — спросил я, сам не зная, откуда родился вопрос.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее. Как будто только что заметила нечто в моём голосе.

— Потому что это невероятно опасно. Это не просто талант. Это... совсем другой уровень. Ведь одна малейшая ошибка – и вся разрушительная энергия заклинания вернется к тебе. Сама не видела, но говорят – после этого хоронить обычно нечего.

— И что, никто на такое не способен?

Девушка устало откинулась.

— Говорят, маги древности обходились без гримуаров. При этом ходят легенды, что они и рунами не пользовались, творя магию напрямую и свободно. Но... — Илария пожала плечами. — Я считаю, что это обычные сказки про старые времена. И маги тогда были могущественнее, и драконы косяками летали по небу, и трава была зеленее, девицы краше, а мужики – все как один великие воины.

Я улыбнулся в ответ. Но внутри что-то шевельнулось. Казалось, что эта система какая-то неправильная, что должно быть иначе. Хотя, откуда мне знать, разве я маг?

Боль в висках снова недовольно напомнила мне, чтобы я не лез куда не надо со своими размышлениями.

Повозка снова подскочила на кочке, фыркнула лошадь. Мы проехали мимо кособокой изгороди, давно развалившейся, как и деревня за ней. Тишина дороги слегка притупляла разговор, но мне не хотелось прерывать его.

— А эти... руны, — проговорил я, подумав. — Они разного цвета из-за порошка драгоценных камней?

Илария моргнула, будто проснулась.

— Что?

— Ну... красные, синие, тёмно-зелёные. Я заметил. У тебя в гримуаре они не одного оттенка. Разные руны – разный оттенок. И которые вторичные – тоже различаются.

Она смотрела на меня. Сначала — просто с вниманием. Потом — с непониманием. И, наконец, со странной смесью удивления и чего-то ещё. Осторожности?

— Они... для тебя цветные? Прямо *внутри рун*?

Я кивнул. Она долго не отвечала. Гримуар всё ещё лежал у неё на коленях. Она медленно развернула его, раскрыла первую страницу, провела пальцем по символу.

— Какой цвет?

Я взглянул.

— Красный. Вроде тлеющих углей. Края чуть темнее.

— А вот эта?

Переворачивает страницу. Новая руна — форма другая, линии тоньше.

— Светло-синяя. Яркая. Как небо, только холоднее.

Она закрыла книгу.

— Вот это уже интересно, — сказала Илария, тихо. — Для обычного человека руны чёрные. Все. Без исключения. А цвет – это магический след.

— След?

— Да, от заклинания. От энергии, которую в неё вложили при написании. След магии, застывший в структуре. Увидеть его — значит взаимодействовать с магическим слоем. Видеть не чернила — а то, что *внутри*.

Она сделала паузу и посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Значит, у тебя есть дар.

Я пожал плечами. Не потому что не верил — просто не знал, что с этим делать. Хотя это и объясняло то, что я видел во время ее колдовства – тот *поток* ее ладони в страницу.

— Тот, кто рождается с магическим даром, способен видеть магию — её след, её пульсацию, её «цвет». Большинство людей этого не чувствуют. Только те, у кого ядро восприятия энергии с рождения открыто. Это не обучаемо. Только врождённое.

Она чуть улыбнулась.

— Хотя... наверное, я не должна удивляться. У эльфов процент рожденных с даром в разы выше, чем у людей. Некоторые даже утверждают, что вы — магическая раса. Мы же... просто потомки тех, кто научился выживать среди магии.

Я ничего не ответил. Лишь смотрел вперёд, на узкую ленту дороги, уходящую в склон холма.

Магия. Мне не кажется, что я владел чем-то таким. Меч – да, руки помнят хват рукояток. Но магия? Ни одна из рун не отзывается в памяти ничем, ни малейшего узнавания.

Мы еще немного поговорили с Иларией, она рассказывала основы магии – как рисуют руны, что при этом важно, как она училась вызывать их, отдавая свою энергию им. Через какое время девушка выдохлась, и я оставил ее отдыхать и восстанавливаться.

Интерлюдия I

...Тонкая завеса темноты, мокрая от пота.

Кулак вонзается в доску — треск, искры, но вместо боли — пустота...

Что? Что это?

...Сквозь пелену вижу лицо наставника: глаза холодны, рот спитая угроза.

Он приказывает: «Скрытность. Тени — твои друзья»...

Видения рваные, скомканные, неясные... как взор сквозь толщу воды со дна вверх на проплывающие лодки.

..Бег по лесу, тяжёлый шаг по мокрой земле — ветер шепчет: «Не дыши».

Сквозь ветви пробивается серое свечение. Я замираю...

...Перелет через крышу амбара. Холод под ладонями, пол скользкий.

За спиной крик — «Слишком громко! Быстрее!»

Брат по клану — лицо в ирамах, он учит меня вскрывать замок двумя шпильками.

Стук капель, как стук колотящегося сердца...

Это видения? Или воспоминания?

...«...тельно запомните расположение внутренних органов. Один точный удар, к примеру, в печень, избавит вас от необходимости затяжной...» - голос мастера Лис'тари приятательной и одновременно жуткой мелодией льется в наши уши. Нож в ее темных нежных руках почти любя разрезает кожу на груди трупа, указывая на...

...Наставник смеётся, когда я сходу выворачиваю руку товарища — «Неплохо, запомнил с первого раза. А теперь, чтобы сломать сустав, угол должен быть...»...

Вспоминается ощущение постоянного страха, голода и холода. Но они будто родные. Будто я к ним настолько привык, что даже не мог представить жизнь без них.

..Спрятаться в тени дома купца. Серый камень под коленом, в горле — вкус железа.

Он повернулся, я почти слышу, как кровь бежит по венам.

Искры мысли: «Почему я тут? Чей это приказ?»

Но рука без сомнений тянется за кинжалом...

...Яды. Пыль чёрная, сладковатая горечь. Холодный пузырьёк. «В лёгкое — мгновенный сон. В кровь — медленное горение», — шепчет инструктор.

Я вдыхаю запах недоверия...

...Разрушенный мост, бурная река яростно ревет подо мной, будто требуя мою кровь себе в жертву. Мысль: «Если упаду — конец. Острые камни не оставят мне шансов»...

Это... испытание? Или побег? Что я там делал?

...Камень в руке тяжёл, как ненависть. Смерть близко — но ты должен держаться.

Ногти впиваются в землю...

...Вечер. Огненный круг. Мы стоим у костра, лица закрыты капюшонами. «Смотри, как пламя колышется, будто танцует в схватке» - звучит мелодичный голос слева...

Этот голос... Кажется, я знал ее?

...Я должен научиться сливаться с тенью.

Вокруг — шёпот: «Они не видят тебя, пока ты не дашь себя увидеть»...

Скрип душиного затвора — тень за спиной.

Рукопашный прием: сдавить горло, затем колено в живот.

«Они не должны кричать».

Сосед, которого учили вместе со мной, уже не кричит.

...потерялись. Да, я помню общее направления, но пока мы отрывались от погони, я завел нас в лабиринт улочек, который не помнил. Плохо, любой поворот может привести в тупик. Нужно выбирать. Слух вновь уловил звон кольчуг стражи, значит....

...Лицо наставника в темноте: «Ты готов, Тейн. Но помни — тень может умереть».

Кто это?

И вновь ...Лязг клинка, я потерял равновесие, отблеск луны на изогнутом лезвии, что ринулось вниз, и... тьма....

Глава 6. Полдень и смерть

Я проснулся рывком. Дыхание сбито, на лбу испарина. Что, бездна меня заberi, это было? Кажется, это все же не просто сон, это именно воспоминания.

Я аккуратно встал с сена и, чтобы не потревожить остальных, вышел наружу из амбара подышать.

Закончив с крысами, мы направились в ближайшую из трех деревень. По контракту мы должны были убедиться в их безопасности, так что обход всех трех был обязателен. К сожалению, эта конкретно деревня (я даже не стал запоминать ее название) была чуть в стороне от торгового тракта, так что тут даже постоянного двора не было. Поэтому нам на отряд выделили амбар, где из сена соорудили спальные места, где мы все сейчас и ночевали.

Я усмехнулся – видимо, судьба мне ютиться по амбарам на сене. «Надо бы поговорить с сестрами об их неуместных шутках» – вдруг мелькнула в голове странная мысль. Какие сестры? Но стоило сфокусироваться на этой мысли, как в висках привычно ударила тупая боль. Ладно, сейчас не это важно. Важнее сейчас то, что мне приснилось.

Я выдохнул пар в прохладный ночной воздух. Луна висела высоко — полная, но мутная, как будто завёрнутая в дымку. Всё вокруг дышало той самой приглушённой тишиной, которую можно услышать только глубоко ночью, когда весь мир замирает, не зная, кто ещё не спит.

Подошёл к ограде, привалился спиной к деревянному столбу, скрестив руки.

Что бы это ни было... это было *настоящее*. Не сон. Не бред. Я *знал* этот голос. Я *помнил* прикосновение рукояти к ладони, тяжесть камня, крик инструктора.

Тело отзывалось странной уверенностью — как будто оно всё помнило само. А вот разум — упрямо держал дверь запертой.

И всё же — *сестры*? Это слово всплыло не из пустоты. Оно пришло изнутри, как чужой голос, заговоривший моими мыслями. Я покачал головой. Боль в висках снова откликнулась, будто напоминая о запрете.

Сзади раздался лёгкий скрип. Я обернулся.

Фаррик стоял в проёме амбара, почесывая затылок.

— Не спится? — буркнул он, подходя ближе.

— Что-то вроде того, — ответил я, не отводя взгляда от тёмной линии горизонта.

Он зевнул и привалился рядом, глядя в ту же сторону.

— Знаешь... — начал он после паузы. — У тебя странный взгляд по утрам.

— Это как?

— словно ты только что вернулся откуда-то. Будто по ночам твоя душа куда-то уходит. Причем, так далеко, что ты там уже даже перестаешь быть собой.

— Ничего себе. Какое поэтическое описание! Ты может и стихи пишешь?

— Только красивым девушкам, так что губу не раскатывай, Темный. — Улыбнулся Фаррик. — Тебе снится что-то? — продолжил он, без напора.

— Не знаю, — честно ответил я. — Не уверен, что это сон.

— Понимаю, — кивнул он. — У нас у всех есть, что не даёт спать. Только у тебя, похоже, это ещё и возвращается.

Он хлопнул меня по плечу и потянулся.

— Ладно, ты как хочешь, а я дальше спать. Завтра еще весь день до следующей деревни тащиться.

— Иди, я еще поброжу. Мы, темные эльфы, все же существа ночные. А отосплюсь я днем в повозке. Мне ж на разведку не бегать. — Усмехнулся я.

— Ах ты ж... эльфятина хитрозадая! — Хохотнул Фаррик. — Ладно, Темный, спокойной ночи.

— Спокойной. И кстати – Тейн. Кажется.

— Что? Ты вспомнил свое имя?

— Я не уверен, – пожимаю плечами, — но кажется – да.

— Ну что ж, приятно познакомиться, Тейн. — парень подчеркнуто церемонно протянул мне свою руку. Я с усмешкой ее пожал. — Извини, праздник по этому поводу устраивать не буду. Потому что да – мне-то завтра в повозке подремать не удастся.

Фаррик развернулся и направился в бар. Я же подошел к бревнам неподалеку, уселся поудобнее, закрыл глаза и начал раз за разом прогонять в памяти ночные образы, в надежде, что вспомнится что-то еще.

На следующий день отряд снова был в пути.

Колёса повозок гремели по неровным дорогам, лошади плелись, понурно свесив головы. Как я понял, сейчас только начало лета, но погода выдалась уже весьма жаркой. Солнце пекло так, что даже наемники беззлобно костерили солнце. Мне, как существу больше ночному, было особенно несладко. Так что я снова путешествовал в повозке с еще бледной Иларией, являясь ее охраной.

После недавней зачистки напряжение спало, но по лицам наёмников было видно — никто не расслаблялся. До следующей деревни оставалось часа три пути, а дороги тут никогда не были полностью безопасными, как я понял.

Весть о моём имени разошлась быстро. Кто-то передал её в шутку, кто-то — с любопытством. Но все приняли молча, без лишних слов. Теперь я был не просто «Темный». Теперь я был **Тейн**. Странно, но хотя и раньше ко мне народ не относился с негативом – скорее с вполне понятной настороженностью, но после того, как у меня появилось имя, они словно приняли меня. Как будто имя дало форму, силу, право быть здесь. Хотя может мне и кажется, и основная заслуга – в пройденной зачистке.

Илария с утра она не разговаривала, выглядела усталой, но, как обычно, старалась держаться. Лишь когда караван замедлился на подъёме, она повернулась ко мне.

— Значит, Тейн, — тихо проговорила она, как будто пробуя имя на вкус. — Тебе точно подходит. Резкое. Отточенное.

Я не ответил. Она не ждала.

— Ты вспомнил ещё что-нибудь?

Я пожал плечами.

— Немного. Обрывки. В основном — как обращаться с оружием. И само имя.

Она кивнула, задумчиво. Долгое молчание. Потом, чуть мягче:

— Это хорошие новости. Значит, память возвращается. Медленно, но возвращается.

Я посмотрел на неё — и отвёл взгляд.

— Возможно, — сказал я. А сам подумал, что уже не уверен, что хочу ее возвращения.

Правда была в том, что воспоминания приходили. Но не те, о которых стоит говорить. Они не были о детстве, семье, друзьях. Они были о темноте, о боли. О том, как правильно ломать сустав. Как разделявать тело. Как скрываться. Как убивать.

Таковыми воспоминаниями делиться было... опасно. И для меня, и для тех, кто рядом. Особенно когда ты — в чужом отряде, без прошлого, без доверия.

— Я рада, что ты с нами, Тейн, — вдруг сказала Илария. — Что бы ты ни вспоминал — сейчас ты часть отряда. Это не меняется.

Я чуть кивнул.

— Благодарю.

Мы ехали дальше, пока холмы не начали расступаться, и на горизонте не показались серые крыши следующей деревни.

И на миг мне показалось, что за поворотом дороги уже ждёт нечто большее, чем просто ещё один амбар.

— Твою мать... — глухо вырвалось где-то сбоку.

Я поднял голову и сразу понял почему.

Мы въехали в деревню.

Точнее — в то, что от неё осталось.

Никаких звуков. Ни коров, ни собак, ни криков детей. Даже птицы над крышами не пели. Только ветер тянул по земле рваные обрывки ткани и сухие листья.

Первые тела мы увидели у колодца. Двое мужчин. Один — с разрубленной спиной, второй — с арбалетным болтом в горле. Кровь уже почти вся ушла в землю, но по положению тел было видно: они бежали.

Их догнали.

— Чёрт... — прошептала Илария рядом.

Мы остановились, спешили. Остальные быстро разошлись по краям улицы. Гракс уже тянул из-за спины алебарду, Бург проверял, заряжен ли арбалет, закреплённый на телеге. Всё — автоматически. Руки делали своё. А глаза — смотрели.

Дальше было только хуже.

Возле амбара лежала женщина с рассечённым животом. Рядом — мальчишка, не старше десяти, с пронзённой грудью. Рядом — труп мужчины, что пытался защищаться вилами — с ними в руках он и пал, пронзенный двумя стрелами.

Следы тянулись по всей деревне. Разбитая дверь, сорванные петли, следы ожесточённой драки — по всему было видно, что люди пытались спастись. Кто-то отстреливался. Кто-то дрался топором. Кто-то просто бежал...

Но никто не ушёл.

— Это не крысы, — хрипло сказал Данкарт, стоя в центре улицы и вглядываясь в дальние дома. — Это сделали люди. Хладнокровно. По-хозяйски. Чисто.

Он наклонился, провёл пальцами по следу на деревянной стене.

— Меч. Добротная сталь. И стреляли с опытной дистанции — без суесть.

Я склонился рядом с телом пожилого мужчины, у которого грудь была пробита сверху — точно между рёбер.

— Бандиты? — спросил я тихо.

— Сомнительно, — отозвался Риг. — Слишком точные удары. Слишком организованная работа. Разве что банда дезертиров...

— Но не ради трофеев, — вмешалась Илария. — Деньги не тронуты. Вон мешки у лавки — целы. Даже телега с зерном стоит...

— Значит, причина — не грабёж, — подытожил Данкарт. Его лицо оставалось каменным. — Значит, это предупреждение. Или зачистка.

Он оглянулся на нас.

— Мирель, Фаррик — на крышу, осмотр окрестностей. Бург, Гракс — проверка периметра. Остальные — внутрь. Проверяем всё. Ищем выживших, письма, знаки, что-нибудь. Кто это сделал — оставил следы. Мы должны их найти.

Я молча кивнул. Внутри поднималась тяжесть. Не страх. Не жалость. Что-то другое. Слишком знакомое. Как будто я уже видел подобное раньше. Или... делал?

Я отогнал эту мысль и шагнул в сторону ближайшего дома. Пол был залит кровью. Доски скрипели под сапогами.

Прошло около двадцати минут. Мы снова собрались в центре деревни. Смотрели друг на друга — и никто не хотел первым озвучить то, что и так было ясно.

— Ни одного, — наконец произнёс Данкэрт. — Ни живого, ни раненого. Даже собак нет. Он снял перчатку, провёл рукой по щеке, словно смывая пыль, которой не было. — Всё слишком чисто. Слишком точно. Мне это всё очень, очень не нравится.

Он ещё что-то собирался сказать — но не успел.

Сначала мы услышали топот. Сотканный из десятков копыт, он ударил по земле за деревней, приближаясь быстро, как лавина. Кто-то из Псов тут же вскочил, схватившись за оружие.

— Сюда едут, — буркнул Лурик. — И едут не с хлебом и солью.

Через несколько мгновений они появились. Около двадцати всадников в одинаковых, пыльных, но всё ещё узнаваемых формах. Солдаты. Сталь на солнце, длинные арбалеты в руках, острые копья, туго натянутые поводья. Они влетели в деревню со стороны тракта, заняв полукруг перед нами, словно загоняя в капкан.

Взгляд капитана метнулся по отряду — и я уже знал, что он увидел то же, что и я: выхода нет.

Один из всадников — высокий, с сединой у висков и лентой старшего офицера — поднял руку. Арбалеты взвились, нацелились.

— Назовитесь! — рявкнул он. — Быстро! Кто вы такие и какого дьявола вы тут делаете?!

Данкэрт вышел вперёд, ладонь в стороне от эфеса.

— Капитан Данкэрт Роэнгард. Отряд зарегистрирован в гильдии наёмников. Работаем по официальному контракту — зачистка от гнилокрыс в этих деревнях. У нас бумаги.

— Бумаги, говоришь... — голос всадника был холоден, как лезвие. Он даже не смотрел на бумаги. Только на нас. — А это, по-твоему, выглядит как работа с крысами?! — он резко указал в сторону мёртвых тел, трупов, кровавых следов. — Твою мать, здесь вырезали деревню! Женщины, дети, старики!

Капитан напрягся.

— Мы нашли их уже мёртвыми. К моменту прибытия все были убиты. Мы сами ищем, кто это сделал.

— Конечно. Удобно, не так ли? — глаза офицера сверкнули, голос стал резче. — Приехали по "контракту", а сами устроили резню. Может, и в соседних деревнях уже ваших "крыс" поубивали?

— Ты нас хоть слышишь, тупица?! — не выдержал Гракс, шагнув вперёд. — Или тебе шлем уши стер?

— Соппротивление! — вдруг выкрикнул офицер, и в том же миге обнажил меч. — Сложить оружие немедленно или открыть огонь!

— Стой! — крикнул Данкэрт. — Да ты с ума сошёл?! Мы не угрожаем, мы —

— ОГОНЬ! — перекрыл его тот.

Резкий хруст арбалетных тетив. Свист.

Мир рванулся. Время раскололось.

Мир вокруг сжался до звука хруста тетив, натянутых до предела. До движения воздуха, колебания пальцев на спусковых крючках. До рёва внутри, который рвался наружу, но ещё не стал звуком.

Я почувствовал.

Всплеск. Резкий, плотный — как удар сердца рядом. Магическая энергия ударила по воздуху и выгнулась невидимой волной, будто само пространство задрожало.

Перед отрядом с ревом взвился поток ветра — вверх, как гигантский столб. Арбалетные болты вошли в него, и тут же их повело — сначала чуть, затем сильнее. Словно застывшие в парении хищные птицы, арбалетные болты медленно пролетали над нами.

Илария.

Я скосил глаза влево. Она стояла, вытянув вперёд руку, а вторая всё ещё сжимала гримуар. Лицо белое, как мел. Губы шепчут что-то, но слов уже не разобрать.

Гримуар выскальзывает из пальцев. Медленно, как сквозь воду, он падает на землю. За ним — она сама. Оседает на колени, затем — на бок.

— Иииииил! — взревела Ясра, срываясь с места по направлению к магэссе.

Офицер рвёт рот в крике — что-то кричит, может быть, приказ, может, проклятие. Его лицо искажено, но звук будто вязнет в пространстве, долетая с искажением, как сквозь вязкую воду.

Я начал двигаться.

Вдох. Правая рука — к скимитару. Металл скользит из ножен, словно сам, звук тянется, как хрип дыхания умирающего.

Левая — к перевязи. Пальцы выхватывают три ножа одним движением. Острые, сбалансированные. Родные.

Ноги срывают меня вбок, прикрыть девушек.

Выдох.

И мир срывается с цепи, будто бешенный пес.

Три блист

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.